

Лочэнь всё же не остался в Башне Красного и Зелёного — он ушёл вместе с Шэнь Цинчжоу.

Это не совсем отвечало его собственным желаниям. Пока они препирались, из Зелёной башни явился посланец от нового управляющего с требованием освободить каморку у конюшни. Слуги Башни Красного и Зелёного ума не могли приложить, зачем Шэнь Цинчжоу сдался этот неописуемо уродливый слуга, но им явно хотелось поскорее закрыть этот вопрос. И стоило Шэнь Цинчжоу обмолвиться, будто Лочэнь не желает покидать обжитый угол, как пришедшие помрачнели.

Один из старших слуг смерил Лочэня суровым взглядом и процедил:

— Ну и неблагодарная же ты тварь. Молодой господин забирает тебя с собой, чтобы ты жил в тепле и сытости, а ты ещё нос воротишь? Помни своё место, раб! Твоя купчая теперь у господина. Или тебе больше по душе клеймо на лбу, ссылка в армию да тюремная баланда?

Шэнь Цинчжоу поначалу был только рад такому исходу, однако слова этих прихвостней, режущие точно бритвой по живому, покоробили его. Он уже открыл было рот, собираясь заступиться за Лочэня, но тот словно угадал его порыв: бросил на него короткий кроткий взгляд, едва заметно шевельнул губами и, повернувшись к незванным гостям, смиренно кивнул. После чего похромал собирать свои нехитрые пожитки.

Вещей у Лочэня водилось немного: несколько смен поношенной одежды, миска да принадлежности для умывания. К ним он бережно присовокупил флейту, которую хранил пуще глаза, и те простенькие письменные принадлежности, что притащил ему в прошлый раз Шэнь Цинчжоу. Лочэнь аккуратно завернул всё это в два куска ткани — вот и всё его нехитрое богатство.

Видя, как тяжело калеке даётся каждое движение и с каким трудом он собирает вещи, Шэнь Цинчжоу порывался помочь, но Лочэнь, упорно не поднимая головы, мягко отстранил его руку.

Шэнь Цинчжоу решил, что тот всё ещё сокрушается о своей горькой доле и о Сицюане, которого не может вызволить из этого вертепа, а потому не стал настаивать. Он немного посидел у стола, но, притомившись ждать, повалился прямо в одежде на скрипучую постель.

Прикрыв глаза, он лениво бросил:

— Как закончишь, растолкай меня.

Он и впрямь задремал. Сколько прошло времени — бог весть, но сквозь сон Шэнь Цинчжоу уловил чьё-то приближение. Инстинкты воина сработали мгновенно: он распахнул глаза, рука сама взлетела к рукояти меча, однако в то же мгновение пальцы разжались.

Лочэнь стоял всего в паре шагов. Он склонился над постелью, его рука застыла на полпути — калека явно колебался, не решаясь растолкать Шэнь Цинчжоу. Заметив, что тот уже проснулся, Лочэнь смущённо улыбнулся.

Лицо его было густо исполосовано шрамами, и от этой улыбки полдюжины багровых борозд уродливо поползли в стороны. Особенно страшным казался след от удара у левого уголка рта, глубоко уходящий вниз. Из-за него улыбка Лочэня выглядела искажённой, словно какая-то неведомая сила против воли тянула губы книзу. В этом выражении — не то радостном, не то плачущем — сквозило такое неизбывное страдание, что смотреть на него без содрогания было невозможно.

Шэнь Цинчжоу не был исключением — ему эта улыбка тоже показалась безобразной до крайности, однако отвращения в его душе не возникло. На этом изувеченном лице, там, куда не дотянулось лезвие, по-прежнему сияли удивительно ясные, красивые глаза. Они походили на чудом уцелевшие обломки после страшного кораблекрушения, безмолвно свидетельствуя о том, как прекрасен был их обладатель до того, как его настигла беда.

Конечно, кривить душой и говорить, что эта улыбка тронула его сердце, Шэнь Цинчжоу бы не стал, но ему сделалось искренне жаль беднягу. Он поспешно сел и, стараясь скрыть жалость, подмигнул Лочэню:

— Ну что, собрался?

Лочэнь скользнул взглядом по двум тугим узлам на столе и безмолвно поджал губы.

Шэнь Цинчжоу сладко потянулся и соскочил на пол. Он отвязал от пояса меч, поддел им узлы с обеих сторон и закинул оружие на плечо на манер коромысла.

— Пошли, — повернулся он к Лочэню. — Сам-то дойдёшь? Может, позвать Сицюаня, чтобы помог тебе?

Глядя на Шэнь Цинчжоу, который ни капли не заботился о собственном благородном виде, Лочэнь удивлённо приподнял брови, и в его глазах промелькнула тёплая искорка. Однако при упоминании Сицюаня взгляд калеки тут же погас. Он покачал головой.

— Тогда я сам тебе помогу, — бодро вызвался Шэнь Цинчжоу.

Ему и самому не хотелось звать Сицюаня, чтобы не устраивать здесь слезливых сцен с объятиями и долгим прощанием.

Помедлив, Лочэнь попытался идти сам. Ему потребовалась уйма времени, чтобы преодолеть жалкое расстояние до двери. Схватившись за косяк, он виновато оглянулся на своего благодетеля.

Шэнь Цинчжоу вздохнул и с мягким укором покачал головой:

— Ты ведь весь изранен, едва ноги переставляешь. К чему это упрямство?

Лочэнь так сильно вцепился в косяк, что побелели пальцы. В его взгляде промелькнуло горькое, беспомощное смущение.

Шэнь Цинчжоу больше не уговаривал его, молча дожидаясь решения. Прошло несколько долгих мгновений. Наконец Лочэнь беззвучно разомкнул губы, тут же упрямо сжал их и медленно, с явной неохотой протянул руку Шэнь Цинчжоу.

— Тебе нужно только выбраться за ворота, — мягко сказал Шэнь Цинчжоу, делая шаг навстречу. — Там нас ждёт нанятая повозка.

Он крепко сжал ладонь калеки и подхватил его под мышку, заставляя опереться на своё плечо. Лочэнь при этом мелко, испуганно задрожал. Шэнь Цинчжоу мысленно горько усмехнулся:

«Неужто он думает, будто я и сейчас собираюсь его помогать?»

Видит небо, Шэнь Цинчжоу хоть и вёл разгульную жизнь, предаваясь безудержному веселью, к мужским ласкам влечения не испытывал и чужого ложа ни разу не делил. Все беды проистекали из-за его слишком уж смазливой физиономии, которая вечно привлекала к нему назойливых воздыхателей, жаждавших затащить красавца в постель и подчинить своей воле.

Особенно в юности, когда он, едва разменяв второй десяток, только начинал скитаться по цзянху. Те годы обернулись для него чередой сущих кошмаров. Владыка Дворца Лазурного нефрита, Шангуань Чэнь, преследовал его упорнее прочих, и если бы не помощь первого старшего брата...

Из-за пережитого Шэнь Цинчжоу, хоть и оставался частым гостем в борделях, к плотским утехам относился довольно равнодушно. В ночь их первой встречи с Лочэнем призраки прошлого вновь зашевелились в его памяти, а тоска, точно яд, жгла изнутри, лишая разума. Но даже тогда, совершив ту безумную выходку, он отступил, едва понял, что Лочэнь противится его притязаниям. Насильником Шэнь Цинчжоу не был никогда.

Не то чтобы он отличался излишней чуткостью, но твёрдо знал: даже с теми, кто торгует собственным телом, нельзя заходить дальше дозволенного. Если человек выказывал хоть малейшую неохоту, Шэнь Цинчжоу никогда не шёл напролом.

Но Лочэнь всё равно дичился его. Глядя на его зажатость, Шэнь Цинчжоу лишь мысленно усмехался:

«Что ж, сам виноват, нечего было так пугать парня в первую ночь».

Разговаривая, они сами не заметили, как покинули Башню Красного и Зелёного. Нанятый экипаж дожидался чуть поодаль, на другой стороне улицы. Возница, завидев нанимателя, направил лошадей навстречу. Однако стоило ему разглядеть, что прекрасный юноша бережно ведёт под руку рослого мужчину с чудовищно изуродованным лицом, как бедняга так и застыл с разинутым ртом.

Не обращая внимания на ошарашенного возницу, Шэнь Цинчжоу помог попутчику подняться в повозку, а сам устроился на козлах. Перехватив вожжи, он весело подмигнул мужику:

— Ну, ступай, дальше я сам поведу.

Возница растерялся, но Шэнь Цинчжоу успокоил его:

— Я сам верну повозку хозяину, а плату тебе передадут сполна. Ступай-ступай.

Сбитый с толку бедняга не посмел спорить. Он соскочил на землю и долго смотрел вслед удаляющейся повозке, катившейся по мостовой под весёлые окрики нового кучера. Почесав в затылке, возница пробормотал себе под нос:

— Надо же... Нанял коляску, а правит сам. Да ещё и нянчится с этим уродом, словно с молодой женой. С лица такой видный господин, а в голове, видать, сквозняк гуляет...

Шэнь Цинчжоу и не подозревал, что прослыл у простого люда полоумным. Он направил повозку к восточной окраине города. Здесь не было живописных озёрных видов, зато именно в этой стороне располагалось величественное поместье князя У-Юэ. У входа в длинный переулок, ведущий к главным воротам резиденции, несли караул четверо вооружённых солдат, которые грозно выставляли копыя против любого случайного прохожего.

Проезжая мимо поворота, Шэнь Цинчжоу придержал коней и внимательно всмотрелся вглубь прохода. Там не было ни души. Глупо было надеяться, что ему вот так сразу улыбнётся удача и он случайно натолкнётся на господина Цзиня.

Нужно во что бы то ни стало отыскать Цзинь Чэнцзи и расспросить его обо всём поподробнее. Иначе велик риск оказаться слепым орудием в чужих руках — кинжалом, которым заговорщики расчищают себе путь.

Стоило ему вспомнить об этом злосчастном поручении, как на душе снова стало тяжело. С самого начала всё это дело было окутано таким плотным туманом, что разглядеть истину казалось невозможным.

Повозка наконец остановилась у ворот небольшого дома, который Шэнь Цинчжоу успел снять для своего нового знакомого. Привязав лошадей, он оглянулся и увидел, что Лочэнь уже выбрался наружу, бережно прижимая к груди его меч вместе со своими узелками.

— Зачем же так торопиться? — улыбнулся Шэнь Цинчжоу, забирая ношу и подставляя плечо для опоры. — Вот твой новый дом. Идём, осмотришься.

Лочэнь вдруг густо покраснел, бросил на него быстрый испуганный взгляд и отвернулся. Яркий румянец на его изуродованных щеках выглядел до того нелепо, что невольно бросался в глаза.

Шэнь Цинчжоу удивлённо приподнял бровь:

— Чего это ты так покраснелся?

Этот вопрос лишь подлил масла в огонь. Пунцовая краска мгновенно поползла до ушей, отчего даже мочки заалели. Шэнь Цинчжоу только покачал головой. Он мягко отобрал у калеки меч и пожитки и, придерживая смущённого до крайности Лочэня, повёл его в дом.

Внутри оказалось чисто и прибрано, нашлось даже всё необходимое для скромной жизни, так что наводить порядок им не пришлось. Шэнь Цинчжоу отнёс вещи Лочэня в спальню, мысленно похвалив себя за предусмотрительность.

Вернувшись в гостиную, он обратился к растерянно застывшему посреди комнаты Лочэню:

— Ноги у тебя ещё слабые, так что показывать тебе тут всё я пока не стану. Отдохни с дороги, а я отвезу повозку хозяину и скоро вернусь.

Он уже повернулся к двери, но Лочэнь торопливо шагнул вслед за ним и, поймав его взгляд, изобразил пальцами письмо в воздухе. Поняв, что немой хочет что-то сказать, Шэнь Цинчжоу не стал торопиться. Велев ему немного подождать, он принёс те самые письменные принадлежности, аккуратно разложил их на низком столике и протянул Лочэню кисть.

Смущение Лочэня никак не проходило, а уж от столь заботливого отношения краска залила его израненное лицо с новой силой.

Шэнь Цинчжоу не удержался от смешка:

— Братец Ло, ну и вид у тебя. Ты часом не приложился к кувшину тайком от меня? Я бы и после трёх кувшинов крепкого вина так не покраснелся.

Лочэнь предпочёл пропустить шутку мимо ушей. Взяв кисть, он склонился над бумагой и быстро набросал:

«Ваше великодушие не знает границ, ничтожный не находит слов для благодарности. Если вам когда-нибудь понадобится моя помощь, я без колебаний пройду сквозь огонь и во...»

Закончить фразу он не успел — Шэнь Цинчжоу осторожно, но крепко перехватил его запястье. Лочэнь удивлённо вскинул голову. Лицо юноши мгновенно посерьёзнело.

— Братец Ло, я сделал это не ради выгоды или ответных услуг, — твёрдо произнёс Шэнь Цинчжоу. — Мне не нужны твои жертвы. Просто живи здесь спокойно, поправляйся, а как окрепнешь — найдёшь себе какое-нибудь мирное ремесло. Этого будет вполне достаточно.

Немного помолчав, он коснулся кончиком пальца выведенного на бумаге слова «ничтожный».

— И забудь это слово, никогда больше так себя не называй. Мы ведь почти ровесники. Называть меня младшим братом тебе, должно быть, неловко, так что зови просто по имени. Моё второе имя — Вэньгуй. Договорились?

Лочэнь долго сидел неподвижно, не сводя с него глаз. Затем медленно опустил голову и бережно вывел на чистом листе один-единственный, очень ровный и аккуратный иероглиф:

«Хорошо».

<http://bllate.org/book/19915/2041076>